

УДК 902/903

<https://doi.org/10.24852/2587-6112.2026.3.100.117>

МАТЕРИАЛЫ АРХЕОЛОГИЧЕСКИХ РАСКОПОК ГОРОДИЩА КАРА-АБЫЗ А.В. ШМИДТА В 1928 Г. ИЗ ФОНДОВ НАЦИОНАЛЬНОГО МУЗЕЯ РЕСПУБЛИКИ БАШКОРТОСТАН¹

©2026 г. В.В. Овсянников, С.Л. Воробьева, А.С. Проценко

Основная цель публикации – введение в научный оборот материалов раскопок городища Кара-Абыз, произведенных совместной экспедицией ГАИМК и Правительством Башкирской АССР в 1928 году под руководством А.В. Шмидта. Городище Кара-Абыз является эпонимным для кара-абызской культуры, которая была выделена в основном по результатам раскопок 1928 года. Однако, до последнего времени, несмотря на неоднократные исследования, материалы памятника полноценно так и не введены в научный оборот. Данная статья призвана частично восполнить этот пробел. В публикации представлена коллекция предметов, хранящаяся в Национальном музее Республики Башкортостан (НМ РБ). Также в статье использованы архивные документы из фондов НМ РБ и Института истории материальной культуры РАН (Санкт-Петербург).

Ключевые слова: археология, городище, лесостепное Предуралье, ранний железный век, кара-абызская культура, история археологии, археологические раскопки, культурный слой, керамика.

MATERIALS OF THE ARCHAEOLOGICAL EXCAVATIONS AT THE KARA-ABYZ HILLFORT, CONDUCTED BY A.V. SCHMIDT IN 1928, FROM THE HOLDINGS OF THE NATIONAL MUSEUM OF THE REPUBLIC OF BASHKORTOSTAN²

V.V. Ovsyannikov, S.L. Vorobyeva, A.S. Protsenko

The main objective of this publication is to introduce into scientific discourse the excavation materials from the Kara-Abyz hillfort, discovered in 1928 by a joint expedition of the State Academy for the History of Material Culture (GAIMK) and the Government of the Bashkir Autonomous Soviet Socialist Republic, directed by A.V. Schmidt. The Kara-Abyz hillfort is eponymous for the Kara-Abyz culture, which was originally defined largely based on the findings from these 1928 excavations. However, despite subsequent investigations, the materials from this archaeological resource has never been fully published or made accessible to the academic community. This paper aims to partially bridge this gap. It presents a collection currently housed at the National Museum of the Republic of Bashkortostan, supplemented by archival documents from the museum holdings and the Institute for the History of Material Culture, Russian Academy of Sciences (St. Petersburg).

Keywords: archaeology, hillfort, forest-steppe Fore-Urals, Early Iron Age, Kara-Abyz culture, history of archaeology, archaeological excavations, cultural layer, ceramics.

Впервые городище Кара-Абыз упоминается в дневниковых записях капитана Н.П. Рычкова (Рычков, 1770, с. 140–142). Николай Петрович Рычков в рамках Академических экспедиций под руководством П.С. Палласа совершил путешествие по Уфимской губернии в 1769 году. Помимо прочего, он посетил «старинный городок», известный местному населению.

Н.П. Рычков составил первый топографический план памятника (рис. 1: 1). Датировку данного памятника в XVIII веке установить было невозможно.

Дальнейшие исследования памятника связаны с именем Филиппа Диомидовича Нефедова, журналиста и этнографа, проводившего раскопки археологических памят-

¹Исследование выполнено при финансовой поддержке Российского научного фонда, проект № 24-28-01627 «Многослойные городища лесостепного Предуралья: ландшафтно-климатические изменения и культурно-исторические процессы».

²The research was carried out with the financial support of the Russian Science Foundation, project No. 24-28-01627 "Multilayered settlements of the forest-steppe Urals: landscape and climatic changes and cultural and historical processes".

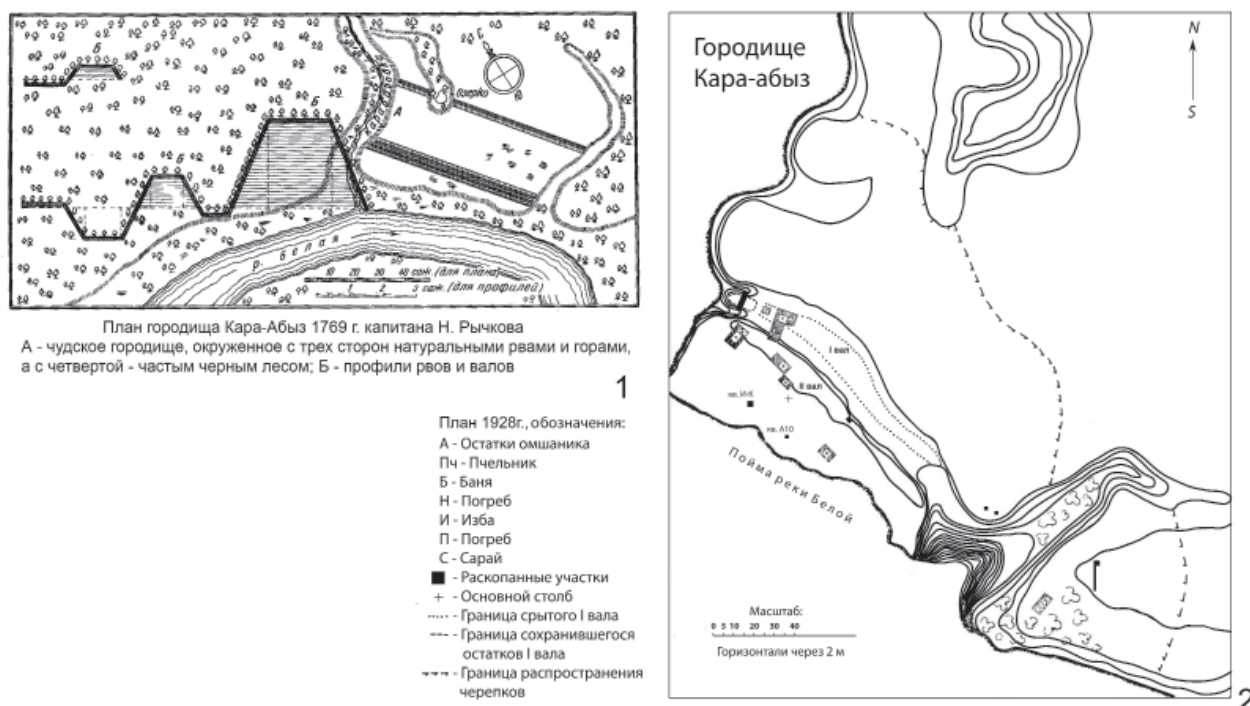

Рис. 1. 1 – план городища Кара-Абыз 1769 г.; 2 – план городища Кара-Абыз, выполненный А.В. Шмидтом в 1928 году

Fig. 1. 1 – plan of the Kara-Abyz hillfort (1769); 2 – plan of the Kara-Abyz hillfort by A.V. Schmidt in 1928.

ников в Прикамье и Приуралье по заданию Московского археологического общества в 1893–1894 гг. Летом 1894 года им были произведены небольшие раскопки на городище Кара-Абыз (Нефедов, 1899, с. 70–71). Раскопки не документированы. Коллекция предметов хранится в Государственном историческом музее в г. Москве.

В 1921 г. сотрудник Башкирского центрального краеведческого музея М.И. Касьянов был командирован в «район Юж. Уралья (уезды Уфимский, Бирский, Златоустовский, Челябинский, Верхне-Уральский, Троицкий и смежные с ними)» (НМ РБ. ДФ. НВ 23903/78). В ходе этой экспедиции он побывал на городище Кара-Абыз и купил у местного жителя найденную на городище или где-то в его окрестностях бронзовую секиру с головой птицы (рис. 2: 1). На закупки экспонатов у местных жителей М.И. Касьянову в этот год было выделено 75 000 руб. (НМ РБ. ДФ. НВ 23903/80). В этой же экспедиции М.И. Касьянов собрал небольшую коллекцию: бронзовый чекан (рис. 6: 1), бронзовый кельт (рис. 6: 2), бронзовую бляху, точильный камень, замок и несколько фрагментов керамики (НМ РБ. ФА. ОФ 255). В документах

музея не сохранилась информация, каким образом М.И. Касьянов получил эти вещи. Вероятнее всего, часть он сумел собрать на городище, часть получил от жителей деревни.

В 1920-е гг. музей посетил финский археолог А.М. Тальгрэн (1885–1945 гг.), занимавшийся изучением ананьинской культуры эпохи раннего железа. Он опубликовал секиру с изображением птицы в своей работе (Tallgren, 1937, p. 18, d. 5). Впоследствии предмет был украден в 1939 г. из экспозиции музея (Акты приема..., с. 102). Дальнейшая его судьба неизвестна.

Важным событием для археологии Башкортостана стал приезд комплексной Уральской экспедиции Академии наук СССР из Ленинграда под руководством С.И. Руденко, в составе которой работал археологический отряд известного советского археолога Алексея Викторовича Шмидта (1894–1935 гг.). Немалая заслуга принадлежит здесь активистам «Общества по изучению Башкирии»¹. В первоначальном варианте плана работ экспедиции АН СССР проведение археологических работ не предусматривалось. Однако, учитывая недостаточные сведения об археологических памятниках региона, Совет «Общества», озна-

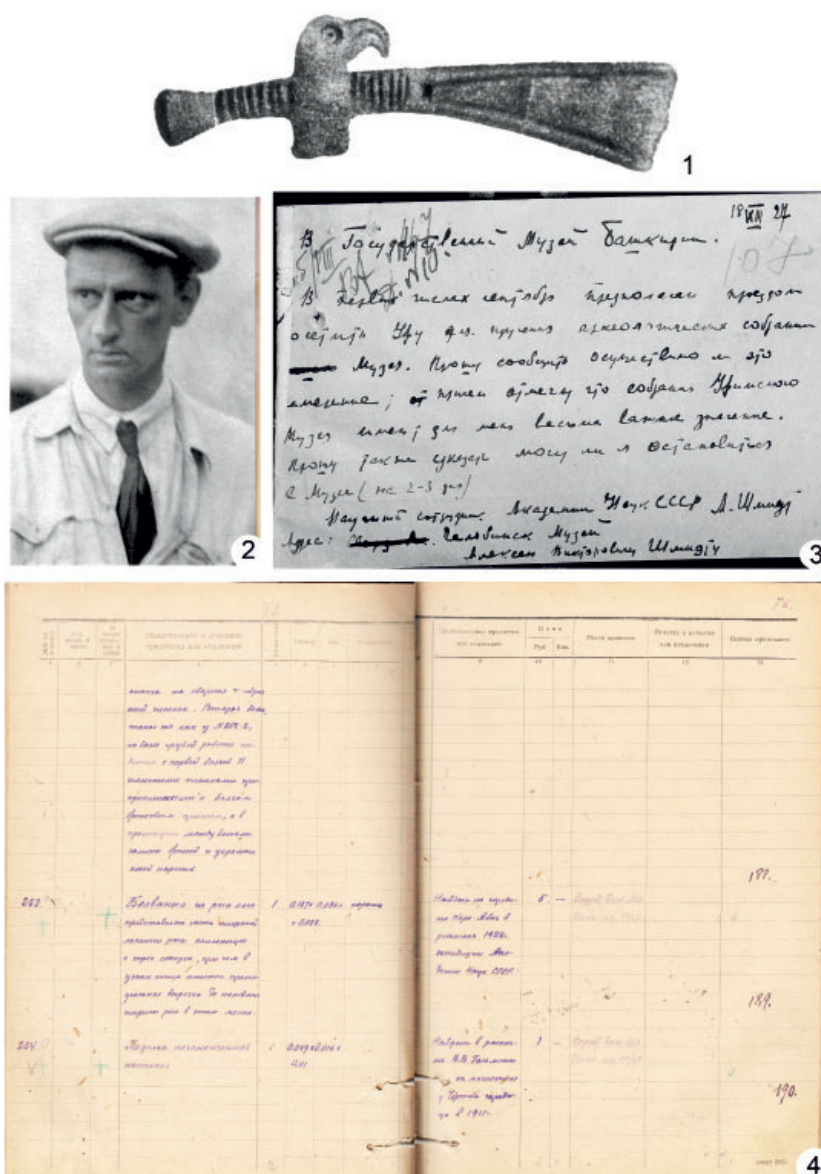

Рис. 2. 1 – фотография топора-секиры, найденного на городище Кара-Абыз (НМ РБ. ДФ. НВ 18829/2/29); 2 – фото Шмидта Алексея Викторовича из фондов НМ РБ (1894 – 1935) (НМ РБ. ДФ. ОФ 4012); 3 – письмо А.В. Шмидта в музей (НМ РБ. ДФ. НВ 23909/26); 4 – инвентарная опись коллекции 1938-1939 гг. (НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 39)

Fig. 2. 1 – photo of a battle-axe found at the Kara-Abyz hillfort (National Museum of the Republic of Bashkortostan [NM RB]. Documentary Fund [DF]. NB 18829/2/29); 2 – photo of Alexey Viktorovich Schmidt from the collections of the NM RB (1894–1935) (NM RB. DF. OB 4012); 3 – letter from A.V. Schmidt to the museum (NM RB. DF. NB 23909/26); 4 – inventory list of the collection from 1938–1939 (NM RB. Scientific Archive [NA]. Series 1 [Op. 1]. File 39 [Д. 39]).

комившись с планом экспедиции АН СССР, на своем заседании от 16 августа 1927 г. вынес пожелание включить в него историко-археологические и лингвистико-фольклорные исследования. Просьба была удовлетворена правительством республики и АН СССР, результатом чего явился приезд археологического отряда под руководством А.В. Шмидта.

В состав группы А.В. Шмидта входили сотрудники АН СССР: А.П. Булгаков (ведавший фотографической частью), А.Г. Томас (лаборант), Н.Б. Эмлер (приняла участие в обработке материала) и научно-технический сотрудник А.И. Хвостов. Кроме того, в работах экспедиции принимали участие: ассистент Ленинградского университета Р.В. Шмидт

(родная сестра А.В. Шмидта, художница), сотрудник Башкирского центрального краеведческого музея М.И. Касьянов (Шмидт, 1929, с. 3–4), который вступил в Общество по изучению Башкирии в 1924 г. (Воробьева, 2021, с. 75). Работы проводились в августе и сентябре 1928 г.

В фондах археологии Национального музея Республики Башкортостан (далее – НМ РБ) хранится коллекция из раскопок А.В. Шмидта 1929 г. (НМ РБ. ФА. ОФ 189, 191, 194–254, 17048), коллекция из сборов М.И. Касьянова 1920-х гг. В документальном фонде (НМ РБ. ДФ. Ф. 308) и научном архиве музея (НМ РБ. НА. Оп. 1) имеются документы, рассказы-вающие об экспедиции 1928 г.: фотография А.В. Шмидта (рис. 2: 2), протоколы заседаний Научного совета музея, приказы директора, протоколы производственных заседаний, отдельные письма и служебные записки. Все они свидетельствуют о том, что экспедиция под руководством А.В. Шмидта проводилась при финансовом и организационном участии нескольких учреждений: Государственной академии истории материальной культуры (ГАИМК, сейчас – ИИМК РАН), Башкирского центрального краеведческого музея (сейчас – НМ РБ), Общества по изучению Башкирии при Наркомпросе.

Полевые материалы А.В. Шмидта о раскопках городища Кара-Абыз хранятся в Научном архиве ИИМК РАН: «полевой дневник раскопок (176 л.) с глазомерными и раскопочными планами, описаниями пластов, стратиграфии, полевыми описями находок, фотографиями (РО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 84); отдельная опись керамики (стандартная и поквадратная) (РО. Ф. 26. Оп. 1. Д. 85); комплекс фотографий, на которых запечатлены общие виды памятника, процесс раскопок (ФО. Отп. О.94/21–38; О.95/21–38), находки и керамика (ФО. Отп. О.94/15–17, 19)» (Григорьева, 2025, с. 30).

Впервые А.В. Шмидт как научный сотрудник Академии наук СССР написал в музей в 1927 г. с просьбой принять его «для изучения археологического собрания на 2–3 дня» (рис. 2: 3). При этом он хотел «остановиться в здании музея». В ответ он получил письмо, что «музей готов его принять, но свободных квартир нет» (НМ РБ. ДФ. НВ 23909/26).

Судя по архивным документам НМ РБ, экспедиция 1928 г. должна была финансиро-

ваться Обществом по изучению Башкирии и музеем (НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 10, л. 15). На деньги музея было закуплено оборудование, в том числе и сита для просеивания земли (НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д. 2а. НВ 18962/1-2. Л. 1–2; Д. 1. ОФ 4012. Л. 1).

В фондах музея сохранились как археологические коллекции из раскопок в фондах археологии, так и документальные источники: полевые фотографии А.В. Шмидта, его переписка с музеем и финансовые документы экспедиции (НМ РБ. ДФ. Ф. 314. Д. 2а, НВ 18962/1-2. Л. 1–2; Д. 1. ОФ 4012. Л. 1).

В 1929 г. материалы археологических находок с городища Кара-Абыз поступили в археологические фонды НМ РБ. Всего А.В. Шмидтом сдано 1275 предметов (НМ РБ. ФА. ОФ 189, 191, 194–254, 17048), из них 718 предметов было списано в разные годы. Сейчас в наличии 557 артефактов (из них 30 пр. не обнаружено), которые полностью описаны и опубликованы на портале Государственного каталога Музейного фонда РФ (<https://goskatalog.ru/>). В коллекции всего 488 массовых предметов (фрагменты лепных сосудов) и 69 индивидуальных предметов. Полное описание коллекции в инвентарных книгах музея впервые сделал археолог Б.А. Коишевский (НМ РБ. НА. Оп. 1. Д. 39) (рис. 2: 4).

Материалы раскопок А.В. Шмидта были частично опубликованы в двух статьях автора раскопок (Шмидт, 1929; Шмидт, 1933). В том числе опубликован план городища (рис. 1: 2). Обращает на себя внимание изменившаяся ситуация со времени составления первого плана памятника Н.П. Рычковым в 1769 году. Значительно увеличилась пойменная часть реки. Вероятно, это связано с изменением русла, произошедшим за 159 лет, прошедших со времени составления первого плана. Также на плане А.В. Шмидта отсутствует второй напольный вал, отмеченный Н.П. Рычковым. Вероятно, этот вал был распахан крестьянами д. Городок, которая возникла неподалеку от городища, уже после посещения памятника Н.В. Рычковым. В период обследования городища Н.П. Рычковым окрестности городища были не заселены, а местность вокруг городища покрыта лесом, за исключением самой площадки памятника. А.В. Шмидтом уже зафиксированы различные хозяйственные и жилые постройки, принадлежавшие жителям этой деревни на цитадели городища. Сама

цитадель и валы практически свободны от лесной растительности. Пашня, относящаяся к деревне, подходила вплотную к линии вала с напольной стороны. Границы культурного слоя, расположенные за пределами первого вала городища и определенные А.В. Шмидтом по подъемному материалу на пашне, совпадают с линией напольных укреплений плана Н.П. Рычкова. Таким образом, общая площадь укрепленной площадки памятника должна рассчитываться с учетом этого обстоятельства. А.В. Шмидтом был также обнаружен культурный слой на мысу к юго-востоку от основной площадки памятника. Эта неукрепленная часть поселения являлась селищем синхронным городищу.

В настоящее время площадка памятника свободна от хозяйственных построек и заросла лесом. Пространство за первым валом занято сосновыми насаждениями. Непосредственно к границам культурного слоя примыкают садовые участки, возникшие на месте пашен бывшей д. Городок (Проценко, Курманов, 2019).

В 1928 г. А.В. Шмидтом было заложено несколько небольших раскопов на цитадели, оборонительной линии и соседнем мысу. Непосредственно на цитадели заложено два раскопа, обозначенные как квадрат А10 (размер 2×2 м) и квадрат И–К (размер 3×3 м). Именно материалы этих раскопов были переданы на хранение в Национальный музей РБ, остальные коллекции хранятся в Музее антропологии и этнографии имени Петра Великого (Кунсткамера) РАН. Поэтому в данной публикации нами будут рассмотрены материалы двух раскопов, заложенных А.В. Шмидтом на цитадели городища.

Раскопы вскрывались по штыкам 20–25 см (лопатам – в полевом дневнике А.В. Шмидта). После каждого штыка поверхность раскопов зачищалась и расположение прослоек наносилось на план (рис. 3: 1). Глубина раскопа фиксировалась после каждого штыка по углам и центру квадратов. Культурный слой просеивался через сито. Об этом говорят документы о закупке этого оборудования для нужд экспедиции, а также полевые фотографии.

Стратиграфия раскопов была довольно сложной. В полевой документации А.В. Шмидта сохранились подробные прорисовки профилей центральной части раскопа И–К – квадрата К1 (рис. 3: 2). Общая глубина

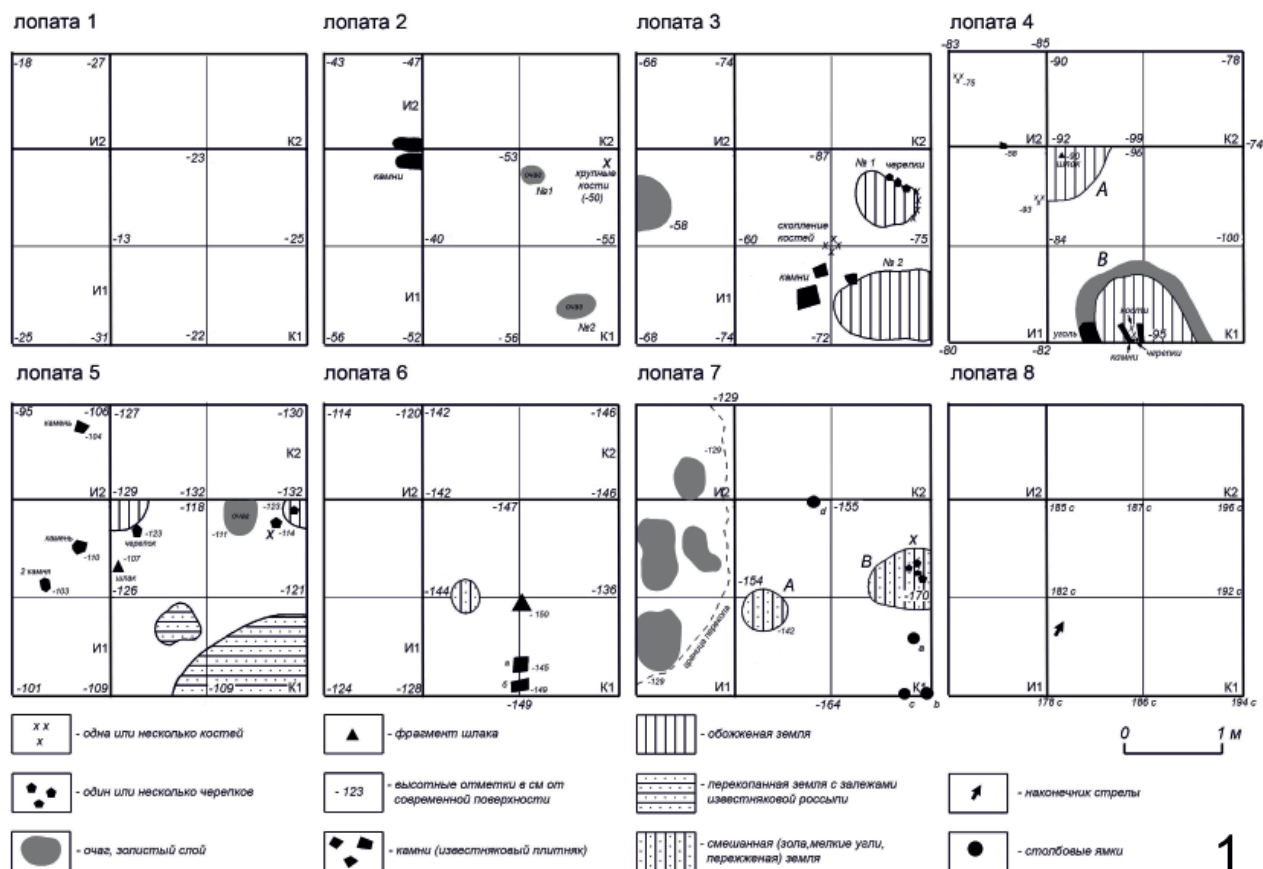
квадрата – от 1,92 до 1,96 м. Все прослойки раскопа объединяются в три основных слоя. В верхней части – слой В, состоящий из гумуса. Мощность данного слоя 0,45–0,46 м (1–2 штыки). Под ним залегал слой А, насыщенный различными прослойками глины, золы и углей. Мощность этого слоя около 1,05 м (3–6 штыки). Под слоем А залегал слой погребенного гумуса мощностью 0,35 м (7–8 штыки). На поверхности этого слоя зафиксированы столбовые ямки – следы какого-то легкого сооружения. Исследователем делается вывод об отсутствии нарушений слоя в этом квадрате раскопа.

К первоначальному квадрату К1 были прирезаны с севера квадрат К2, а с запада – квадраты И1 и И2 (рис. 3: 1). В полевом дневнике отмечается, что в этих квадратах культурный слой сильно нарушен современной деревней, так как на глубине более метра здесь встречались обломки стекла и гвозди. Прорисовки стенок этих квадратов в архиве ИИМК РАН нами не обнаружены.

Глубина раскопа А10 достигала 2,4 м (всего 11 штыков). Общая стратиграфическая картина аналогична кв. К1. В верхней части – слой гумуса до глубины 0,8 м. Далее шли прослойки глины, золы и углей до глубины 1,17–1,4 м. Под ними залегал слой погребенного гумуса с прослойками золы, углей и обожженного грунта до глубины 2,4 м (Шмидт, 1928, с. 8). На глубине около 2,0 м обнаружено захоронение ребенка. К погребению относятся пять подвесок из заячьих косточек (рис. 5: 1–5), бронзовая обойма, железный нож и, возможно, глиняный горшочек, залежавший выше костяка на 0,4 м (Шмидт, 1929, с. 9). Данный сосуд сохранился в фондах НМ РБ. Это глиняный горшочек темно-серого цвета. Размеры сосуда: 9,5 см в высоту и 10 см в диаметре по венчику. Шейка низкая небрежно выделенная, тулово реповидное, дно округлое. По верху шейки сосудик орнаментирован круглыми ямками. В тесте примесь раковины. Поверхность обработана грубо и небрежно. Горшочек не имеет следов длительного использования, вероятно, изготовлен специально для погребения (рис. 6: 3). Культурный слой раскопа А10 не нарушен поздними проникновениями.

Индивидуальные находки из коллекции НМ РБ включают изделия из глины, камня, кости и металла. Наиболее многочисленную категорию индивидуальных находок состав-

Раскоп И-К

ПРОФИЛИ КВАДРАТА К1

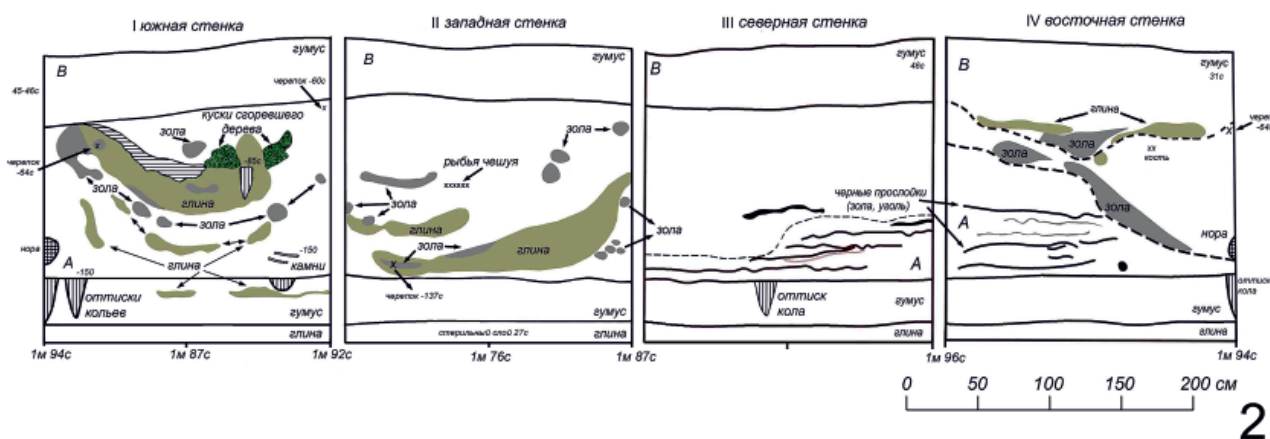

Рис. 3. Планиграфия и профили раскопа И-К. Цифровая обработка полевых дневников А.В. Шмидта из фондов НА ИИМК РАН

Fig. 3. Planigraphy and profiles of excavation area И-К. Digital processing of A.V. Schmidt's excavation journal from the holdings of the Academic Archive of the Institute for the History of Material Culture of the Russian Academy of Sciences (IHMC RAS)

ляют дисковидные пряслица, изготовленные из глины, камня и стенок лепных сосудов (с примесью раковины в тесте, в одном случае с примесью шамота и раковины). Диаметр изделий варьируется от 3,7 до 5,7 см, высота от 0,7

до 1,4 см, диаметр сквозного отверстия от 0,7 до 1,0 см. Большинство пряслиц неорнаментировано, в одном случае (рис. 4: 1) орнамент представлен насечками, расположенными горизонтальным зигзагом. Данный орнамент

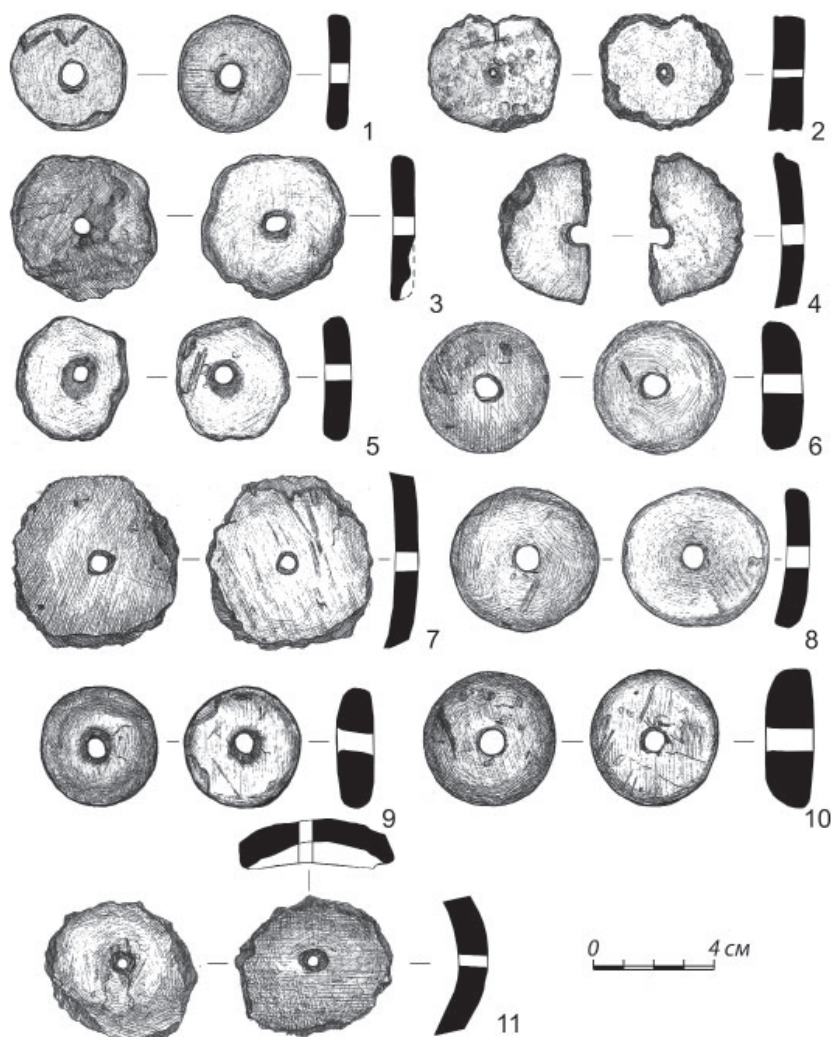

Рис. 4. Глиняные пряслица. 1 – кв. А10, сл. 6; 2 – кв. И2; 3, 10 – кв. А10; 4-5, 7 – подъемный материал; 6, 8, 11 – кв. А10, сл. 9; 9 – кв. И2, сл. 7
Fig. 4. Clay spindle whorls. 1 – grid A10, stratum 6; 2 – gr. И2; 3, 10 – gr. А10; 4-5, 7 – surface finds; 6, 8, 11 – gr. А10, str. 9; 9 – gr. И2, str. 7

характерен для посуды гафурийского облика. Концентрация данного вида находок приходится на кв. А-10 (слои 5, 7-9), относящийся к эпохе раннего железного века. Следует отметить, что дисковидные пряслица широко встречаются на многочисленных поселенческих памятниках кара-абызской культуры (Пшеничнюк, 1973, с. 197). Позднее, в эпоху раннего Средневековья, у населения северной части Евразии, в том числе в Уфимско-Бельском междуречье, начинают преобладать пряслица биконической формы (Сафуанов, Проценко, 2021, с. 91).

Изделия из камня представлены двумя оселками, первый – подквадратной

(6,7×5,6×0,6 см), второй – прямоугольной (10,5×4×1,4 см) формы (рис. 6: 4-5).

Изделия из кости представлены одним целым лоцилом из рога лося с двумя лопастями под углом 90° (рис. 6: 6), второе аналогичное изделие фрагментировано; костяными проколками (4 ед.) (из грифельной кости с заостренным концом) длиной 10, 10,2, 10,3 и 12 см (рис. 5: 7-9, 13). Подвески (амулеты), состоящие из пяти метаподий (кости ног зайца) со сквозным отверстием в верхней части, относятся к детскому погребению из раскопа А10 (рис. 5: 1-5). Также в коллекции присутствуют несколько костяных заготовок (рис. 5: 11, 16), альчик с сквозным отверстием

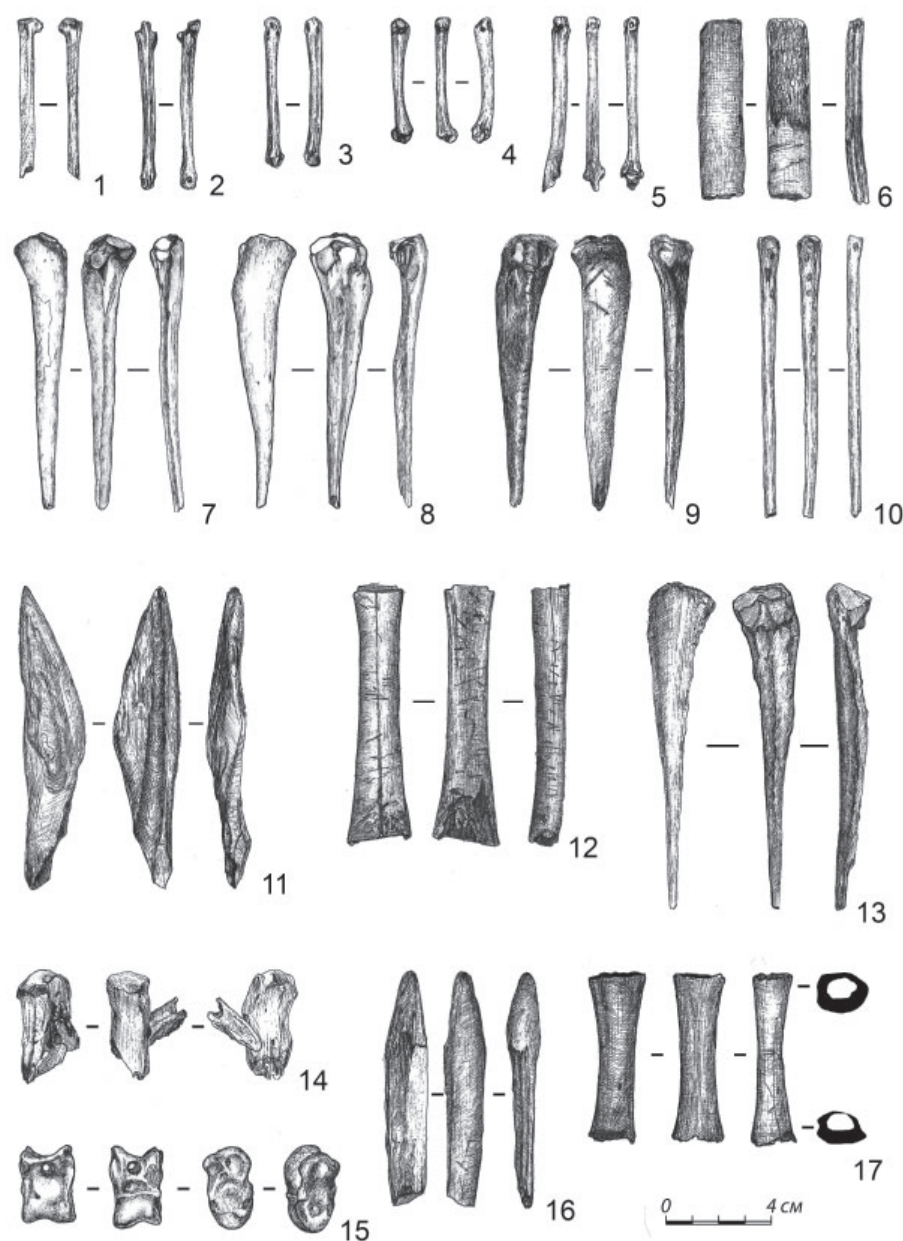

Рис. 5. Костяные изделия: 1-5; подвески из метаподия зайца; 6, 11, 16 – заготовки костяных орудий; 7-10, 13 – проколки; 14 – бронзовый наконечник стрелы, вонзившийся в верхнюю часть ребра лошади; 15 – астрагал.

1-5, 11-12, 17 – кв. А10, сл. 9; 6 – кв. А10; сл. 7; 7-9; 13 – кв. А10; сл. 5; 10 – кв. И1-И2, сл. 6; 14 – кв. А10, сл. 7-8; 15 – вал; 16 – кв. А10, сл. 2.

1-13, 15-17 – кость; 14 – кость и бронза

Fig. 5. Bone artifacts: 1-5 – pendants made of hare metapodials; 6, 11, 16 – blanks for bone tools; 7-10, 13 – borers; 14 – bronze arrowhead embedded in the upper part of a horse rib; 15 – astragalus.

1-5, 11-12, 17 – gr. A10, str. 9; 6 – gr. A10, str. 7; 7-9, 13 – gr. A10, str. 5; 10 – gr. И1-И2, str. 6; 14 – gr. A10, str. 7-8; 15 – rampart; 16 – gr. A10, str. 2. 1-13, 15-17 – bone; 14 – bone and bronze

(рис. 5: 15) и рукоять орудия, возможно ножа или шила (рис. 5: 17), из тонкой трубчатой кости животного (6,1×2×1,6 см). Таким образом, можно сказать, что население городища Кара-Абыз в эпоху железа активно занимались косторезным ремеслом. Отметим, что многочисленные находки костяных изделий

известны на многих памятниках ананьинского времени (Ашихмина и др., 2006, с. 42–59).

Особый интерес представляют предметы-хроноиндикаторы. Следует отметить, что часть находок была получена от находчиков, которые указывали их местонахождение вблизи городища Кара-Абыз.

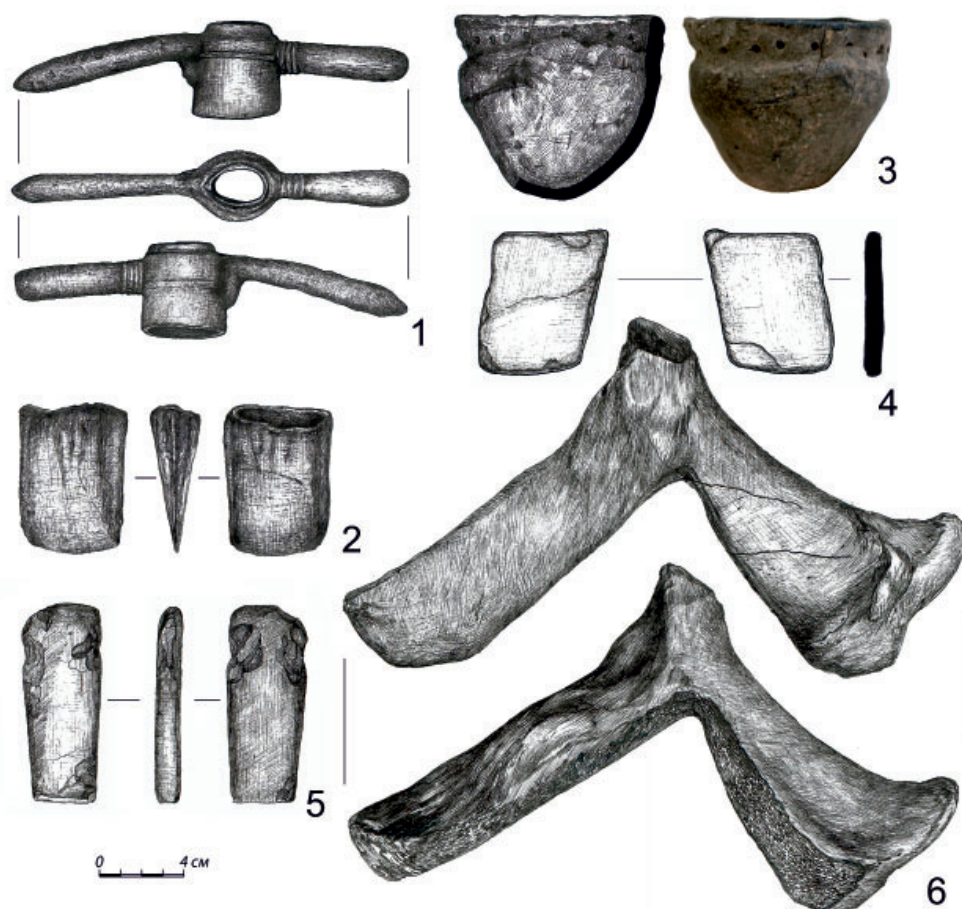

Рис. 6. Индивидуальные находки: 1 – чекан; 2 – кельт; 3 – сосуд; 4-5 точильные камни; 6 – лощило из рога лося. 1-2, 4-6 – подъемный материал; 3 – кв. А10, детское погребение
1 – железо; 2 – бронза; 3 – керамика; 4-5 – камень; 6 – кость

Fig. 6. Individual finds: 1 – hammer-axe; 2 – celt; 3 – vessel; 4-5 – grindstones; 6 – lissoir made from elk antler. 1-2, 4-6 – surface finds; 3 – gr. A10, child burial.
1 – iron; 2 – bronze; 3 – ceramic; 4-5 – stone; 6 – bone

Наконечник стрелы втульчатый, трехлопастной, с опущенными ниже втулки шипами (рис. 5: 14), вонзившийся в кость животного (фрагмент верхней части ребра лошади). Данный тип наконечников датируется С.В. Кузьминых IV–III вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 110). Бронзовый кельт с шестигранной втулкой и прямоугольной фаской (рис. 6: 2), тип КАН-62, датируемый С.В. Кузьминых концом VI – началом IV вв. до н. э. (Кузьминых, 1983, с. 69).

Парадная секира с плоским клинком трапециевидной формы с утолщенными валиками по верхнему и нижнему краю, выполненным в виде плавника водоплавающего животного. Обух в виде тупика. Соединение клина и обуха с втулкой оформлено гофрировкой в виде валиков. Верхний конец втулки оформлен в виде стилизованной головы хищной птицы (грифо-

на). В ананьинской культурно-исторической области время существования «парадных» секир, по последним исследованиям, определяется второй четвертью/серединой VI–V вв. до н. э. (Чижевский, Лыганов, Храмченкова, 2023, с. 151). По мнению С.Л. Воробьевой, появление данного артефакта в кара-абызской среде датируется не ранее конца V в. до н. э. (Воробьева, 2021, с. 296, 298).

Железный цельнометаллический чекан (тип КЧ-18), датируемый концом VI – V вв. до н. э. (Пшеничнюк, 1973, с. 221; Кузьминых, 1983, с. 140; Чижевский, Волкова, 2021, с. 182), имеет открытую втулку, форма втулки – эллиптическая (рис. 6: 1). По средней части втулки проходит валик. Боек стержневидный, округлый в сечении, с четырехгранным острием. У основания бойка, в месте соединения с втулкой, расположена головка хищной

Таблица 1.
Table 1.

штыки	Кв. А10	штыки	Кв. К1	Кв. К2	Кв. И1-И2
1-2 ¹	18	1	8	27	7
5	71	2	6	13	18
6	7	3	9	15	14
7	29	4	2	10	3
7-8	31	5	7	15	4
8	32	6	8	8	3
9	25	7	7	3	14
10	23	8	-	-	2
11	3	добав. ²	-	-	17
ИТОГО	239		47	91	83

¹ Выделение штыков (лопат) соответствует описи А.В. Шмидта, хранящейся в НА ИИМК РАН

² Так указано в описи А.В. Шмидта

птицы (грифона?). Обух выполнен в виде утолщенного стержня, круглого в сечении, у основания обуха, в месте соединения с втулкой, изображено три валика. Размеры чекана: общая длина 19,5 мм, длина бойка (заостренная часть) 9,6 см, диаметр бойка у основания 1,1 см, диаметр бойка у конца 1,4 см; высота втулки 4,7 см, верхний диаметр втулки (наименьший) 2,7 см, диаметр обуха у основания 1,5 см, диаметр обуха у конца 1,8 см.

Отметим, что подобный вид находок достаточно редок на памятниках кара-абызской культуры. Одна из последних происходит с городища Акбердино-II. Железный чекан был отнесен исследователями к аржанскому типу и датируется второй половиной VII в. до н. э., а время существования святилища, в состав которого и входил чекан, авторами определено II-I вв. до н. э. (Овсянников, Савельев, 2019, с. 205–207).

Металлический инвентарь из сборов с городища и раскопок А.В. Шмидта дают дату в пределах конца V – III вв. до н. э. Находки, сделанные в последние годы исследований на памятнике, в том числе и за пределами цитадели, подтверждают эту дату (Проценко, 2017, с. 130; Проценко, 2018, с. 241). Таким образом, общая дата существования на городище поселения эпохи раннего железа определяется концом V–III вв. до н. э.

Керамическая коллекция городища Кара-Абыз из раскопок 1928 г., хранящаяся в НМ РБ, составляет 460 фрагментов из раскопок А10 и И-К и 28 фрагментов из сборов с поверхности и разрушенных участков. Всего

488 фрагментов лепной керамики. Распределение керамики по квадратам и горизонтам представлены в таблице 1.

Основную массу керамики составляют фрагменты сосудов раннего железного века. Керамика бахмутинской культуры (III–VII вв. н. э.) встречается в количестве 33 фрагментов, что составляет 7,2% от общего количества керамики, фрагменты посуды чияликской культуры (X–XII вв. н. э.) – восемь штук, что составляет 1,8%. В непотревоженных слоях квадрата А10 один фрагмент чияликской керамики встречен на уровне пятого штыка (глубина 1,0–1,15 м). В квадрате К2 встречен один фрагмент в первом штыке и два в третьем штыке (глубина 0,4–0,6 м). Бахмутинская керамика в квадрате А10 в количестве восьми фрагментов встречена на уровне 1–5 штыков (до глубины 1,0–1,15 м), в квадрате К1 четыре фрагмента в первом-третьем штыках (до глубины 0,56–0,72 м). Таким образом, поздняя керамика встречена единично и преимущественно в верхних горизонтах культурных отложений. В связи с малочисленностью в данной публикации она рассматриваться не будет.

В керамическом комплексе раннего железного века подавляющее количество фрагментов относится к собственно кара-абызской керамике (419 фрагментов, 91% от всей коллекции). 13 фрагментов относятся к керамике гафурийского типа (рис. 9: 2–3, 7). Все они встречены в верхних горизонтах раскопок: в квадрате А10 в первом-пятом штыках, в квадрате И-К – в первом-третьем штыках. Дополнительно на этих же уровнях встречено

Рис. 7. Квадрат А10. Кара-абызская керамика с ямочным орнаментом.
1-5 – слой 5; 6-7 – слой 7; 8-9 – слой 7-8; 10-12 – слой 8; 13-14 – слой 10; 15 – слой 9

Fig. 7. Grid A10. Kara-Abyz pottery with dotted ornament.
1-5 – str. 5; 6-7 – str. 7; 8-9 – str. 7-8; 10-12 – str. 8; 13-14 – str. 10; 15 – str. 9

три фрагмента керамики, совмещающие кара-абызские (ямки и вдавления) и гафурийские (резные линии и каннелюр) черты (рис. 9: 1, 4, 6).

Гафурийский керамический комплекс выделен на наиболее южных кара-абызских поселениях, где его появление относится к IV в. до н. э. (Савельев, 2008). В дальнейшем данная керамика начинает распространяться к северу по кара-абызскому ареалу. Наиболее полно эта посуда представлена в Шиповском археологическом комплексе, как в культурном слое городища, так и в погребениях, где она составляет значительный процент (Пшенич-

нюк, 1976; Овсянников и др., 2007; Овсянников, 2023). Наиболее массовое употребление этой посуды здесь относится к III–II вв. до н. э.

К северу от Шипово гафурийская керамика, как на поселениях, так и в погребениях, встречается уже значительно реже, что и иллюстрирует материал городища Кара-Абыз. Гафурийская керамика, встреченная в раскопках А.В. Шмидта, носит как ранние (примесь талька, внутренние и внешние каннелюры – рис. 9: 3, 7), так и поздние (примесь раковины, упрощенный орнамент – рис. 9: 2) черты. Местонахождение данного типа керамики в верхних горизонтах городища соответству-

Рис. 8. Квадрат А10. Кара-абызская керамика с вдавлениями.
1-2 – слой 1-2; 3-8 – слой 5; 9-14 – слой 7; 15- слой 7-8; 16-17 – слой 9; 18 – слой 10

Fig. 8. Grid A10. Kara-Abyz ceramics with impressions.
1-2 – str. 1-2; 3-8 – str. 5; 9-14 – str. 7; 15 – str. 7-8; 16-17 – str. 9; 18 – str. 10

ет верхней дате бытования металлического инвентаря, собранного на поселении – III в. до н. э.

В керамической коллекции городища встречено два фрагмента, имеющих шнуровой орнамент. Все они происходят из квадрата А10. Один фрагмент найден в верхних отложениях на уровне пятого штыка (глубина 1,0–1,15 м). У него отсутствуют черты классической шнуровой керамики ананьинской культуры. Слабопрофилированный сосуд имел практически не выделенную низкую шейку, шнуровой орнамент в один ряд сочетается с резными насечками (рис. 9: 5). Этот фрагмент

имеет синкретичный характер и иллюстрирует процесс изживания шнуровой орнаментальной традиции в кара-абызской среде.

Второй фрагмент встречен в нижнем, девятом штыке на глубине 1,7–1,92 м (рис. 9: 9). Форма сосуда (среднепрофилированный горшок с низкой шейкой) и орнамент (ямки в сочетании с двойным шнуром) и примесь раковины соответствуют позднешнуровой посуде IV–III вв. до н. э. (Ашихмина, 2014, с. 75). Облик фрагмента и его положение в культурном слое соответствует определяемой нами датировке поселения в пределах конца V – III вв. до н. э.

Рис. 9. Керамика из квадрата A10. 1, 4, 6 – смешанная гафурийско-кара-абызская керамика; 2-3, 7 – гафурийская керамика; 5, 9 – шнуровая керамика; 8, 10 – постмаклашеевская керамика

Fig. 9. Ce from grid A10. 1, 4, 6 – mixed Gafuri-Kara-Abyz pottery; 2-3, 7 – Gafuri pottery; 5, 9 – corded pottery; 8, 10 – post-Maklasheevka pottery

Наиболее ранние черты в керамической коллекции А.В. Шмидта несут два фрагмента из квадрата A10. Один встречен в десятом штыке на глубине 1,92–2,17 м (рис. 9: 8). Это часть слабопрофилированного горшка с низким, незначительно отогнутым горлом. Орнамент имеется только на шейке и состоит из ямок и насечек, нанесенных выше уровня ямок. Подобный орнамент характерен для керамики периода перехода от постмаклашеевской керамики к раннекара-абызской на памятниках Прибелья. Наиболее показательна в этом плане посуда поселения Воронки, занимающая более раннюю позицию по отношению к городищу Кара-Абыз (Овсянников, 2014). Наиболее вероятно, что этот процесс происходил на рубеже V–IV вв. до н. э. Фрагмент керамики, встреченный на одиннадцатом штыке на глубине 2,17–2,35 м квадрата A10, имеет классические постмаклашеевские черты: среднеотогнутый венчик и орнамент,

сочетающий ямки и насечки-вдавления на шейке (рис. 9: 10).

Таким образом, металлический инвентарь и инокультурные керамические включения позволяют уверенно датировать кара-абызский керамический комплекс городища рубежом V–IV – III вв. до н. э.

Собственно кара-абызский керамический комплекс городища представлен 419 фрагментами, из них 351 – фрагменты верхних частей сосудов (венчики). Примесь в глине фиксируется визуально – раковина и шамот. Поверхность сосудов в подавляющем большинстве случаев хорошо выровнена и залощена. По форме сосуды делятся на две группы: слабопрофилированные низкогогорлые горшки и чаши – открытые либо закрытые. В коллекции имеется шесть фрагментов уплощенных днищ. Видимо, в большинстве случаев дно сосудов было округлым и изредка уплощенным. Часть сосудов без орнамента, на других

Таблица 2. Форма и орнаментация кара-абызской керамики (венчики)
 Table 2. Shape and ornamentation of the Kara-Abyz ceramics (rims)

квадрат	чаши		горшки			итого
	орнам.	неорн.	неорн.	ямки	вдавл.	
И1-И2	1	10	29	25	4	69
К1	1	1	14	20	5	41
К2	-	16	38	10	9	73
A10	3	4	49	53	59	168
итого	5/1,4%	31/8,8%	130/37%	108/30,9%	77/21,9%	351/100%
	36/10,2%		315/89,8%			

нанесен поясok либо ямок, либо вдавлений. Ямки – это фактически глубокие наколы, нанесенные гончарным стеклом, изготовленным из трубчатой кости. У этих наколов ровные края, они имеют аккуратный вид и глубину практически на всю толщину сосуда (рис. 7). Нередко они дополняются выпуклинами-жемчужинами с обратной стороны (рис. 7: 8–9). Большинство фрагментов имеют ряд ямок, равномерно расположенных по шейке через примерно равные промежутки (рис. 7: 1–3, 7–15). На единичных встречены ямки, сгруппированные по три (рис. 9: 6) либо расположенные в форме треугольника (рис. 9: 4). Последние элементы являются реминисценциями постмаклашевской традиции.

Вдавления – это неглубокие вмятинки, нанесенные как гончарными стеками (рис. 8: 1, 6, 8, 12, 14), так и пальцами или ногтями гончара (рис. 8: 2–5, 7, 9–11, 13, 15–18). Вдавления наносились равномерно по шейке сосуда либо группировались попарно (рис. 8: 8, 12, 14). Вдавления выглядят менее аккуратно, нежели ямки, они наносились более небрежно.

Распределение кара-абызской керамики по форме и орнаментации в квадратах сведены в таблицу 2. Процентные подсчеты проводились от общего количества выделенных сосудов (по сохранившимся венчикам в коллекции).

Исходя из подсчетов, большинство кара-абызской посуды городища составляют горшки (89,8% от количества всех кара-абызских сосудов). Более трети из них не имеют орнамента (37%). Около трети орнаментированы ямками (30,9%), менее трети – вдавлениями (21,9%). К чашам относится 10,2% сосудов, большинство из них без орнамента. Три чаши были орнаментированы ямками, две – насечками.

Керамическая коллекция квадрата A10 наиболее представительна, также она получена из наиболее сохранившейся части культурного слоя. Распределение основных форм керамики и её орнаментации по слоям в квадрате A10 показывает более или менее равномерное выпадение в культурный слой всех выделенных форм и орнаментаций (таблица 3). Это показывает, что в период существования городища керамический комплекс не претерпел значительных изменений.

По составу культурных компонентов, форме и орнаментации керамический комплекс городища Кара-Абыз наиболее близок посуде Чертова (Уфа-1) городища (Морозов, 2000, рис. 7). На этом памятнике кара-абызская керамика орнаментирована либо ямками, либо вдавлениями, без дополнительных элементов, так же как на городище Кара-Абыз. Также присутствует небольшая примесь гафурийской керамики, шнуровая керамика не встречена. Хронологическая позиция уфимского комплекса кара-абызской культуры определяется погребениями Уфимского могильника – IV–III вв. до н. э. (Овсянников, Яминов, 2003), что сближает его с городищем Кара-Абыз. Уфимско-Кара-Абызский куст памятников по составу посуды отличается как от южной группировки кара-абызских памятников (Акбердино – Шипово – Охлебинино), где значительный процент составляет гафурийский керамический комплекс, так и от северных поселений (Камышинское I и Биктимировское городища), где в значительной степени присутствует шнуровая керамика.

По сравнению с керамикой предыдущего этапа (V в. до н. э.), представленной на селище Воронки, посуда городища Кара-Абыз отличается более бедным орнаментом: практически отсутствуют насечки по венчику, такие допол-

нительные элементы, как насечки и отпечатки гребенчатого штампа, сопутствующие ряду ямок по шейке. Характер ямочного орнамента также отличается большей простотой. Постепенно пропадают «жемчужины» на обратной стороне ямочных наколов. Сами ямки в боль-

Таким образом, посуда городищ Кара-Абыз и Уфа (Чертово) I представляет собой наиболее «чистый» кара-абызский керамический комплекс, датируемый IV–III вв. до н. э. и относящийся к начальной стадии существования этой культуры в Прибелье. В этот период

Таблица 3. Распределение керамики по форме и орнаментации в слоях квадрата A10
Table 3. Distribution of ceramics by shape and ornamentation in the layers of square A10

шт	чаши		горшки			итого
	неорн	орнам	неорн	ямки	вдавл	
1-2			9		5	14
5	1	1	18	16	7	43
6			1	3		4
7				3	16	19
7-8	1		7	9	4	21
8	1	2	2	10	11	26
9			8	5	7	20
10	1		4	5	9	19
11				2		2
итого	4	3	49	53	59	168
	8		161			

шинстве случаев располагаются равномерно в один ряд. Тогда как на более ранних образцах встречается группировка ямок по две-три-четыре в ряд, либо по три в форме треугольника.

кара-абызское население района испытывает минимальное инокультурное влияние как с севера, со стороны носителей шнуровой керамики, так и с юга, со стороны гафурийских групп.

Примечание:

¹ В 1920 г. было создано научное общество истории при Башнаркомпроссе, которое в 1922 г. преобразовано в Общество по изучению быта, культуры и истории Башкирии при Наркомате просвещения, а в 1926 г. – в Общество по изучению Башкирии.

ЛИТЕРАТУРА

Ашихмина Л.И. Генезис ананьинской культуры в Среднем Прикамье (по материалам керамики и жилищ) / Археология евразийских степей. Вып. 19. Казань: Институт археологии им. А.Х. Халикова АН РТ, 2014. 300 с.

Ашихмина Л.И., Черных Е.М., Шаталов В.А. Вятский край на пороге железного века: костяной инвентарь ананьинской эпохи (I тыс. до н. э.). Ижевск: УдГУ, 2006. 220 с.

Воробьева С.Л. М.И. Касьянов (1895–1944 гг.) – основатель археологического отдела Национального музея Республики Башкортостан // Археология Евразийских степей. 2021. № 6. С. 69–79.

Григорьева О.В. Документы Башкирской комплексной экспедиции АН СССР в собрании Научного архива ИИМК РАН // Проблемы археологии и этноистории Восточной Европы, Сибири и Северо-Восточной Азии: Материалы Международной научной конференции, посвященной 140-летию Сергея Ивановича Руденко (1885–1969) и 100-летию его фундаментального труда «Башкиры. Опыт этнологической монографии» (1925) / Отв. ред. Д.А. Гайнуллин, М.Т. Кашуба. Уфа: АНО «Евразийский музей кочевых цивилизаций», 2025. С. 27–33.

Збруева А.В. История населения Прикамья в ананьинскую эпоху / Материалы и исследования по археологии Урала и Приуралья. Т. V / МИА. № 30. М.: АН СССР, 1952. 326 с.

Кузьминых С.В. Металлургия Волго-Камья в раннем железном веке (медь и бронза). М.: Наука, 1983. 257 с.

Морозов Ю.А. Исследования Уфимского городища // УАВ. Вып. 2 / Отв. ред. В.К. Федоров. Уфа: НМ РБ, 2000. С. 145–154.

Нефедов Ф.Д. Отчет об археологических исследованиях в Прикамье, произведенных летом 1893 и 1894 гг. (С 10 таблицами-фототипиями и 30 рис. в тексте) // Материалы по археологии восточных губерний, издаваемые Императорским Московским Археологическим Обществом. Т. III / Ред. Д.Н. Анучин. М: Типография Н.И. Шарапова, 1899. С. 42–74.

Овсянников В.В. Селище Воронки – ранний памятник кара-абызской культуры // Ананьинский мир: истоки, развитие, связи, исторические судьбы / Археология евразийских степей. Вып. 20 / Отв. ред. С.В. Кузьминых, А.А. Чижевский. Казань: Отечество, 2014. С. 303–313.

Овсянников В.В. Шиповский курганно-грунтовый могильник в Южном Приуралье / АЭБ. Т. VII. Уфа: ИИЯЛ УФИЦ РАН, 2023. 114 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С., Акбулатов И.М., Васильев В.Н. Шиповский могильник в лесостепном Приуралье. Уфа: Гилем, 2007. 166 с.

Овсянников В.В., Савельев Н.С. Воинское святилище на Акбердинском II городище // Археология Евразийских степей. 2019. № 2. С. 201–226.

Овсянников В.В., Яминов А.Ф. Исследования могильника у Чертова городища в Уфе (1911–1912 годы) // УАВ. Вып. 4 / Отв. ред. А.Ф. Яминов. Уфа: Гилем, 2003. С. 16–57.

Проценко А.С. Некоторые итоги изучения Кара-Абызского городища (по материалам рекогносцировочных работ 2015 г.) // Археология Евразийских степей. 2017. № 4. С. 127–133.

Проценко А.С. Кара-Абызское городище в лесостепном Предуралье: новые материалы // XXI Уральское археологическое совещание, посвященное 85-летию со дня рождения Г.И. Матвеевой и 70-летию со дня рождения И.Б. Васильева. Материалы Всероссийской научной конференции с международным участием / Отв. ред. А.А. Выборнов. Самара: СГСПУ, 2018. С. 240–242.

Проценко А.С., Курманов Р.Г. Археолого-палеонтологические исследования культурного слоя городища Кара-Абыз // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. Т. 33. № 4 (96). С. 62–71.

Пшеничнюк А.Х. Кара-абызская культура (население центральной Башкирии на рубеже нашей эры) // АЭБ. Т. V / Ред. Н.В. Бикбулатов, Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов. Уфа: БФАН СССР, 1973. С. 162–243.

Пшеничнюк А.Х. Шиповский комплекс памятников (IV в. до н. э. – III в. н. э.) // Древности Южного Урала / Ред. Р.Г. Кузеев, Н.А. Мажитов, А.Х. Пшеничнюк. Уфа: БФАН СССР, 1976. С. 35–131.

Рычков Н.П. Журнал или дневные записки путешествия капитана Рычкова по разным провинциям Российского государства 1769 и 1770 году. СПб.: Императорская Академия наук, 1770. 190 с.

Савельев Н.С. Происхождение гафурийского комплекса лесостепи Южного Приуралья середины – второй половины I тысячелетия до н. э. // Ранние кочевники Волго-Уральского региона / Отв. ред. Л.Т. Яблонский. Оренбург: ОГПУ, 2008. С. 116–136.

Сафуанов Ф.Ф., Проценко А.С. Глиняные пряслица с городища Уфа-II // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2021. Т. 41. № 4 (104). С. 89–99.

Смирнов А.П. Железный век Башкирии // Смирнов А.П., Мошинская В.И., Чернецов В.Н., Золотарева И.М. Культура древних племен Приуралья и Западной Сибири / МИА. № 58. М.: АН СССР, 1957. С. 28–29.

Чижевский А.А., Волкова Е.В. Ананьинская культурно-историческая область. Постмаклашевская культура. Памятники белогорского типа // Ранний железный век / Археология Волго-Уралья. Т. 3 / Под общ. ред. А.Г. Ситдикова, отв. ред. А.А. Чижевский. Казань: ИА АН РТ, 2021. С. 162–185.

Чижевский А.А., Лыганов А.В., Храмченкова Р.Х. Образ головы хищной птицы в ананьинской культурно-исторической области // Поволжская археология. 2023. № 1 (43). С. 141–168.

Шмидт А.В. Археологические изыскания Башкирской экспедиции Академии наук (Предварительный отчет о работах 1928 г.) // Хозяйство Башкирии. 1929. № 8–9. С. 1–28.

Шмидт А.В. Работы по истории материальной культуры Урала за 15 лет // Проблемы истории материальной культуры. 1933. № 9–10. С. 20–30.

Tallgren A.M. The Arctic Bronze in Europe // Eurasia Septentrionalis Antiqua. 1937. XI. P. 13–42.

Информация об авторах:

Овсянников Владимир Владиславович, кандидат исторических наук, заведующий отделом, Институт истории, языка и литературы Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия), atlural@yandex.ru

Воробьева Светлана Леонидовна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник, Национальный музей Республики Башкортостан (г. Уфа, Россия); sveta_legion@mail.ru.

Проценко Антон Сергеевич, кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии. Республиканский историко-культурный музей-заповедник «Древняя Уфа» (г. Уфа, Россия); научный сотрудник. Институт истории, языка и литературы, Уфимский федеральный исследовательский центр РАН (г. Уфа, Россия); anton.procenko@mail.ru

REFERENCES

Ashikhmina, L. I. 2014. *Genezis anan'inskoi kul'tury v Srednem Prikam'e (po materialam keramiki i zhilishch)* (*Genesis of the Ananyino Culture in the Middle Kama Area (According to the Ceramics and Dwellings)*). Series: Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes) 19. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences; "Otechestvo" Publ. (in Russian).

Ashikhmina, L. I., Chernykh, E. M., Shatalov, V. A. 2006. *Vyatskiy kray na poroge zheleznogo veka: kostyanoy inventar' anan'inskoy epokhi (I tys. do n.e.)* (*Vyatka Region on the Threshold of the Iron Age: Bone Inventory of Ananyino Period (1st Millennium B.C.)*). Izhevsk: Udmurt State University (in Russian).

Vorob'eva, S. L. 2021. In *Arkheologiya evraziiskikh stepei (Archaeology of the Eurasian Steppes)* 6, 69–79 (in Russian).

Grigor'eva, O. V. 2025. In Gainullin, D. A., Kashuba, M. T. (eds.). *Problemy arkheologii i etnoistorii Vostochnoi Evropy, Sibiri i Severo-Vostochnoi Azii: Materialy Mezhdunarodnoi nauchnoi konferentsii, posviashchennoi 140-letiiu Sergeia Ivanovicha Rudenko (1885–1969) i 100-letiiu ego fundamentalnogo truda «Bashkiry. Opyt etnologicheskoi monografii» (1925)* (*The Issues of Archaeology and Ethnic History of Eastern Europe, Siberia and North-Eastern Eurasia Proceedings of the International scientific conference dedicated to the 140th anniversary of Sergey I. Rudenko (1885–1969) and the centenary of his fundamental work "The Bashkirs. Attempt of an Ethnological Monograph" (1925)*). Ufa: Autonomous Noncommercial Organization "Eurasian Museum of the Nomadic Civilizations", 27–33 (in Russian).

Zbrueva, A. V. 1952. *Istoriia naseleniia Prikam'ia v anan'inskuiu epokhu* (*History of the Population of the Kama River Region in the Ananyino Time*). Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii Urala i Priural'ia (Materials and Research on the Archaeology of Ural and the Cis-Urals Area) V. Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 30. Moscow: Academy of Sciences of the USSR (in Russian).

Kuzminykh, S. V. 1983. *Metallurgiya Volgo-Kam'ia v rannem zheleznom veke (med' i bronza)* (*Metallurgy of the Volga-Kama Region in the Early Iron Age (Copper and Bronze)*). Moscow: "Nauka" Publ. (in Russian).

Morozov, Yu. A. 2000. In Fedorov, V. K. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 2. Ufa: "Gilem" Publ., 145–154 (in Russian).

Nefedov, F. D. 1899. In Anuchin, D. N. (ed.). *Materialy po arkheologii vostochnykh gubernii, izdavaemye Imperatorskim Moskovskim Arkheologicheskim Obshchestvom* (*Materials on the archaeology of the Eastern governorates, published by the Imperial Moscow Archaeological Society*) III. Moscow: "Tipografiia N.I. Sharapova" Publ., 42–74 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2014. In Kuzminykh, S. V., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Anan'inskii mir: istoki, razvitie, svyazi, istoricheskie sud'by* (*The World of Ananyino: Origins, Evolution, Relations, Historical Fate*). Series: Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes) 20. Kazan: "Otechestvo" Publ., 303–313 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V. 2023. *Shipovskii kurganno-gruntovyi mogilnik v Iuzhnom Priural'e* (*Shipovo barrow field in the Southern Urals*). Series: Arkheologiya i etnografiia Bashkortostana (Archaeology and Ethnography of Bashkortostan) VII. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S., Akbulatov, I. M., Vasiliev, V. N. 2007. *Shipovskii mogil'nik v lesostepnom Priural'e* (*Shipovo Burial Ground in the Cis-Urals Forest-Steppe Area*). Ufa: "Gilem" Publ. (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Savel'ev, N. S. 2019. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 2, 201–226 (in Russian).

Ovsyannikov, V. V., Yaminov, A. F. 2003. In Yaminov, A. F. (ed.). *Ufimskii arkheologicheskii vestnik (Ufa Archaeological Herald)* 4. Ufa: "Gilem" Publ., 16–57 (in Russian).

Protsenko, A. S. 2017. In *Arkheologiya Evraziiskikh stepei (Archaeology of Eurasian Steppes)* 4, 127–133 (in Russian).

Protsenko, A. S. 2018. In Vybornov, A. A. (ed.). *XXI Ural'skoe arkheologicheskoe soveshchanie (21st Urals Archaeological Congress)*. Samara: "Samara State University of Social Sciences and Education", "Porto-Print" Publ., 240–242 (in Russian).

Protsenko, A. S., Kurmanov, R. G. 2019. In *Vestnik Akademii nauk RB (Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan)* Vol. 33, 4 (96), 62–71 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1973. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A. (eds.). *Arkheologiya i etnografiya Bashkirii (Archaeology and Ethnography of Bashkiria)* V. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 162–243 (in Russian).

Pshenichniuk, A. Kh. 1976. In Kuzeev, R. G., Mazhitov, N. A., Pshenichniuk, A. Kh. (eds.). *Drevnosti Yuzhnogo Urala (Antiquities of the Southern Urals)*. Ufa: Bashkirian Branch of the USSR Academy of Sciences, 35–131 (in Russian).

Rychkov, N. 1770. *Zhurnal ili dnevnye zapiski putesthestviia po raznym provintsiiam Rossiiskogo gosudarstva v 1769 i 1779 gg. (Journal or Daily Notes of a Journey to Various Provinces of the Russian State in 1769 and 1779.)*. Saint Petersburg: Typography of the Imperial Academy of Sciences (in Russian).

Savel'ev, N. S. 2008. In Yablonsky, L. T. (ed.). *Rannie kochevniki Volgo-Ural'skogo regiona (Early Nomads of the Volga-Ural Region)*. Orenburg: Orenburg State Pedagogical University, 116–136 (in Russian).

Safuanov, F. F., Protsenko, A. S. 2021. In *Vestnik Akademii nauk RB (Bulletin of the Academy of Sciences of the Republic of Bashkortostan)* Vol. 41, 4 (104), 89–99 (in Russian).

Smirnov, A. P. 1957. In Smirnov, A. P., Chernetsov, V. N., Zolotareva, I. M. *Kultura drevnikh plemen Priuralia i Zapadnoi Sibiri (Culture of the ancient tribes of the Urals and Western Siberia)*. Series: Materialy i issledovaniia po arkheologii SSSR (Materials and Research in the USSR Archaeology) 58. Moscow: Academy of Sciences of the USSR, 28–29 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Volkova, E. V. 2021. In Sitdikov, A. G., Chizhevsky, A. A. (eds.). *Rannii zheleznyi vek (Early Iron Age)*. Series: Arkheologiya Volgo-Uralia (Archaeology of the Volga-Urals) Vol. 3. Kazan: Institute of Archaeology named after A. Kh. Khalikov, Tatarstan Academy of Sciences, 162–185 (in Russian).

Chizhevsky, A. A., Lyganov, A. V., Khranchenkova, R. Kh. 2023. In *Povolzhskaya arkheologiya (Volga River Region Archaeology)* 43 (1), 141–168 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1929. In *Khoziaistvo Bashkirii (Хозяйство Башкирии)* (8–9), 1–28 (in Russian).

Shmidt, A. V. 1933. In *Problemy istorii materialnoi kultury (Issues of material culture history)* (9–10), 20–30 (in Russian).

Tallgren, A. M. 1937. In *Eurasia Septentrionalis Antiqua*. XI, 13–42.

About the Authors:

Ovsyannikov Vladimir V., Candidate of Historical Sciences, Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; atliural@yandex.ru

Vorobyeva Svetlana L., Candidate of Historical Sciences, Bashkortostan National Museum. Soviet st., 14, Ufa, 450000, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; sveta_legion@mail.ru.

Protsenko Anton S., Candidate of Historical Sciences, Republican Historical and Cultural "Ancient Ufa" Museum-Reserve, Mustai Karim St., 45, Ufa, 450077, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; Institute of History, Language and Literature of the Ufa Federal Research Center of the Russian Academy of Sciences, Prospekt Oktyabrya, 71, Ufa, 450054, Republic of Bashkortostan, Russian Federation; anton.procenko@mail.ru

Статья поступила в журнал 02.03.2026 г.
Статья принята к публикации 10.03.2026 г.
Авторы внесли равноценный вклад в работу